

На правах рукописи

Коньков Дмитрий Сергеевич

Проблема власти в раннесредневековом обществе:
историографический и методологический аспекты.

Специальность 07.00.09.

Историография, источниковедение и методы исторического исследования.

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Томск 2004

Работа выполнена

в Томском государственном университете

НАУЧНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ:	кандидат исторических наук, доцент <i>Виктор Моисеевич Мучник</i>
ОФИЦИАЛЬНЫЕ ОППОНЕНТЫ:	доктор исторических наук, профессор <i>Анна Георгиевна Жеравина</i> кандидат исторических наук, доцент Татьяна Игоревна Зайцева
ВЕДУЩАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ:	Кемеровский государственный университет

Защита состоится 5 марта 2004 года в 15.00 на заседании диссертационного совета Д.212.267.03 при Томском государственном университете (634050, г. Томск, пр. Ленина 36, ауд. 41).

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Томского государственного университета.

Автореферат разослан «_____» февраля 2004 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат исторических наук,
доцент

О.А.Харусь

Актуальность исследования. Одной из основных проблем в изучении социально-политической и культурной истории традиционных обществ является проблема власти. Власть - неотъемлемая часть общекультурного контекста эпохи, более того, в некоторые периоды – определяющая. Одним из таких периодов следует считать раннее средневековье, когда во многих регионах происходит процесс образования государств¹. Соответственно, проблематика властных отношений этой эпохи привлекала внимание многих исследователей, как отечественных, так и зарубежных. Закономерности становления и развития властных институтов в предгосударственных обществах, специфика этих институтов, связанная с особенностями общественного сознания древних народов, становятся объектом рассмотрения ученых, в особенности, со второй половины XIX века. Этот историографический дискурс продолжается и сейчас. В историографии сформировался обширный корпус материалов, посвященных проблеме власти в раннесредневековый период. В диссертации предпринята попытка анализа и систематизации этих материалов. Исследование методологического потенциала различных историографических традиций в трактовке проблематики раннесредневековой власти, изучение возможностей и пределов диалога между этими традициями, как представляется, весьма актуально.

Степень изученности проблемы. Об истории средневековья написано многое², но методологический аспект проблематики власти в раннесредневековый период ранее подробно не рассматривался. В последнее время это положение меняется. С этой точки зрения следует отметить ряд

¹ Примерно V-IX века, когда формируется большинство средневековых государственных политических образований Европы и Ближнего Востока.

² Вайнштейн О.Л. История советской средневековедения. Л., 1968; Гутнова Е.В. Советская средневековедение с середины 30-х до 1966 г. // МИВИН. Томск, 1967. Вып. 5; Данилов А.И. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии конца XIX – начала XX вв. М., 1958; Косминский Е.А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. М., 1963; Седельников А.И. Проблема генезиса западноевропейского феодализма в советской историографии 20-50 гг. Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Томск, 1985.

недавних исследований И.Ю. Николаевой³, работу С.Б. Бахитова⁴, которые содержат не только историографический анализ трудов, посвященных проблеме власти, но и вносят вклад в формирование методологии исследования данной проблемы. Однако в существующем методологическом дискурсе относительно проблемы власти не систематизированы достаточно четко подходы к этой проблеме, ее аспекты и методологический инструментарий, с помощью которого она решается.

Научная новизна предлагаемой работы обусловлена тем, что, при достаточно большом количестве и разнообразии исследований, посвященных проблематике власти в раннесредневековых предгосударственных обществах, до сих пор существует очень немного работ, рассматривающих методологический аспект этих исследований. Не существует трудов, комплексно обобщающих исследовательский дискурс, ведущийся в этом направлении. Необходимость же обобщения и систематизации этого дискурса очевидна. Данная работа является первым опытом методологического и историографического анализа и систематизации имеющегося историографического материала. В ней высказаны наблюдения о существующих историографических тенденциях в изучении проблематики власти в раннесредневековый период, об их эволюции и возможности диалога и взаимодополнения.

Цель и задачи исследования. Учитывая состояние изученности вопроса и его научную актуальность, автор основной целью данной работы поставил историографический анализ методологической традиции изучения проблемы власти в раннесредневековых предгосударственных обществах в отечественной и зарубежной исторической науке, осуществив комплексное

³ Николаева И.Ю., Мучник В.М. Некоторые аспекты ментальности доиндустриальных цивилизаций в интерпретации современной историографии. // МИВИН. Томск, 1994. Вып. 21; Николаева И.Ю. Личность и власть: поиски методологии исследования. // МИВИН. Томск, 1999. Вып. 25.

⁴ Бахитов С.Б. Эволюция культа королевской власти в Англии под влиянием континентальных традиций (теоретико-методологический и историографический аспекты). Диссертация на соискание ученой степени канд. ист. наук. Томск, 1998.

исследование имеющейся по этой теме литературы. Конечной целью является попытка выявить перспективы формирования методологического базиса изучения указанной проблематики.

Поставленная цель предполагает решение следующих исследовательских задач:

- выявить, систематизировать и охарактеризовать отечественные и зарубежные исследования, имеющие отношение к проблематике власти в раннесредневековых предгосударственных обществах.

- определить основные методологические установки этих исследований.

- выявить методологические доминанты и тенденции в развитии изучения проблематики власти в раннесредневековых предгосударственных обществах в отечественной и зарубежной историографических традициях, взаимосвязь и преемственность различных исследований.

- выявить возможность диалога и взаимодополнения различных методологических традиций.

- показать возможность этого диалога на примере исследований раннесредневековых предгосударственных обществ Ирландии и Аравии.

Хронологические рамки диссертации охватывают период со второй половины XIX века, когда обозначаются тенденции в исследовании проблемы власти в предгосударственных обществах, до конца 1990-х годов.

Предметом исследования является методология изучения проблемы власти в предгосударственных обществах раннесредневекового периода.

Источниковая база диссертации преимущественно состоит из историографических источников. В качестве основного вида этих источников выступают монографии, статьи, тезисы научных докладов, диссертационные исследования.

Методология исследования проблематики власти в предгосударственных обществах формировалась в конце XIX века в работах Л.Г. Моргана, Ф. Энгельса, Дж. Фрэзера.

Из отечественных исследователей первой трети XX века следует отметить Д.М. Петрушевского⁵. Тезисы Д.М. Петрушевского явились исходным пунктом для дальнейших работ, посвященных раннему средневековью. В частности, это относится к А.И. Неусыхину⁶ и А.Д. Удальцову⁷. А.Р. Корсунский обращает внимание на различия в политогенезе варварских королевств в зависимости от внутреннего континуитета с Римской империей⁸. А.Я. Гуревич ставит в центр своих работ сознание средневекового человека, что до него не было характерно для советской исторической науки⁹.

Среди отечественных востоковедов, занимавшихся проблемой власти, следует назвать Л.С. Васильева, введшего в отечественную историческую науку понятие «вождество» и разработавшего его концепцию¹⁰. В той или иной степени с этой концепцией связаны работы других ученых, таких, как А.С. Мартынов, Н.Н. Крадин, П.Б. Голден, Н.Б. Кочакова, П.Л. Белков, Д.М. Бондаренко, В.А. Попов, на примере различных средневековых обществ в последние десятилетия XX века доказавших применимость концепции вождества на практике и значительно улучшивших и расширивших ее. Отдельно следует упомянуть Л.Е. Куббеля, создавшего фундаментальный труд, посвященный проблеме власти в предгосударственных обществах¹¹. Также нельзя не отметить роль Е.М. Штаерман и В.А. Якобсона в формировании современной концепции государства¹².

⁵ Седельников А.И. Проблема генезиса западноевропейского феодализма в советской историографии 20-50 гг. Диссертация на соискание степени канд. ист. наук. Томск, 1985. С. 27.

⁶ Неусыхин А.И. Общественный строй древних германцев. М., 1929.

⁷ Удальцов А.Д. Родовой строй у древних германцев. // Из истории западноевропейского феодализма. М.-Л., 1934.

⁸ Корсунский А.Р. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М., 1965.

⁹ Гуревич А.Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

¹⁰ Васильев Л.С. Становление политической администрации (от локальной группы охотников и собирателей к протогосударству-чифдому) // Народы Азии и Африки 1980, №1.

¹¹ Куббель Л.Е. Очерки потестарно-политической этнографии. М., 1988.

¹² Штаерман Е. М. К проблеме возникновения государства в Риме. // ВДИ. 1989. №2; Якобсон В.А. Государство и социальная психология. // ВДИ. 1989. №4.

Из работ зарубежных ученых принципиальное значение для изучения средневековых властных структур имели исследования М. Блока¹³. Множество инноваций привнесла в современное восприятие проблемы власти структурная антропология, развитая в работах Л. Леви-Брюля и К. Леви-Стросса¹⁴. Проблема власти благодаря структуралистам переходит в плоскость общественного сознания. Эту традицию поддерживает У.А. Чэни при исследовании англо-саксонских королей¹⁵. Безусловно, проблема власти становилась объектом внимания и других ученых. В этой связи следует упомянуть Э. Фромма, М. Фуко, П. Бурдьё. Однако их концепции в данной работе не рассматриваются, поскольку, на взгляд автора, изначально не имеют отношения к раннесредневековому материалу, будучи созданы на основе более поздних исторических реалий.

В отношении Ирландии и Аравии существует достаточно обширная и многообразная историография. К сожалению, в отечественной историографии традиция исследования ирландских властных институтов ограничивается работами С.В. Шкунаева и В.Г. Безрогова¹⁶.

Среди зарубежной историографии следует прежде всего выделить монографию А. и Б. Рисов, в течение последних нескольких десятилетий формирующую взгляды исследователей на специфику кельтского миропонимания и менталитета. Кроме того, в диссертации использовался ряд работ, посвященных политической истории раннесредневековой Ирландии и особенностям ее общественного устройства и принадлежащих перу таких авторов, как Дж. Линдсей, Ф.Дж. Бирн, Г. МакНикокайлл, Д. О'Коррайн. Со времен М. Блока не исчезает традиция внимания к обряду коронации, и в частности изучению особенностей этого обряда в Ирландии, а,

¹³ Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1998.

¹⁴ Леви-Брюль К. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994; Леви-Стросс К. Первобытное мышление. М., 1994.

¹⁵ Chaney W.A. The Cult of Kingship in Anglo-Saxon England. Berkley & LA, 1970.

¹⁶ Шкунаев С. В. Община и общество западных кельтов. М., 1980; Безрогов В.Г. Начальные этапы становления власти в раннесредневековой Ирландии (по данным «королевских зеркал»). // Господствующий класс феодальной Европы. М., 1989.

следовательно, и института власти в целом посвящены монографии М.Дж. Энрайта и Дж.Л. Нельсон¹⁷.

В отношении Аравии вообще и ее южных областей в частности в советской исторической науке существует традиция изучения, берущая начало с энциклопедических исследований В.В. Бартольда¹⁸. Сабейская цивилизация и ее политические институты подвергнуты анализу в трудах А.Г. Лундина и Г.М. Бауэра¹⁹. Благодаря им сложился корпус знаний и воззрений на специфику южноаравийской цивилизации, в последнее время значительно дополненный А.В. Коротаевым²⁰. Линию исследования преемственности аравийских культур, в первую очередь, в смысле властных отношений, можно проследить в трудах Н.В. Пигулевской²¹, И.Ш. Шифмана²², М.Б. Пиотровского²³, О.Г. Большакова²⁴.

При анализе методологии исследования властных институтов указанных регионов в качестве вспомогательного материала использовались исторические источники. В качестве таких источников наибольшее значение имеют саги и сказания, отражающие некоторые властные стереотипы и установки предгосударственного общества. Среди них следует выделить такие концептуально значимые ирландские мифы, как «Битва при Маг Туиред»²⁵, «Разрушение Дома Да Дерга»²⁶, «Смерть Кухулина»²⁷, «Борома»²⁸.

¹⁷ Enright M.J. *Iona, Tara and Soissons*. Berlin-NY, 1985; Nelson J.L. *Politics and Ritual in Early Medieval Europe*. L., 1986.

¹⁸ Бартольд В.В. *Ислам // Сочинения*. М., 1963. Т. 4; он же. *Мусейлима // Сочинения*. М., 1963. Т. 4; он же. *О Мухаммеде // Сочинения*. М., 1963. Т. 4; он же. *Теократическая идея и светская власть в мусульманском государстве. // Сочинения*. М., 1963. Т. 4; он же. *Халиф и султан. // Сочинения*. М., 1963. Т. 4.

¹⁹ Лундин А.Г. *Государство мукаррибов Саба*. М., 1971.

²⁰ Коротаев А.В. *От государства к вождеству? От вождества к племени? // Ранние формы социальной организации*. М., 2000; Коротаев А.В. *Южная Аравия: 10 в. до н. э. - 4 в. н. э. // Ранние формы социальной стратификации*. М., 1993.

²¹ Пигулевская Н.В. *Арабы у границ Византии и Ирана в IV-VI вв.* М.-Л., 1964.

²² Шифман И.Ш. *Набатейское государство и его культура*. М., 1976.

²³ Пиотровский М. Б. *О природе власти Мухаммеда. // Государственная власть и общественно-политические структуры в арабских странах*. М., 1984.

²⁴ Большаков О.Г. *История Халифата*. М., 1989. Т. 1.

²⁵ *Битва при Маг Туиред // Похищение Быка из Куальнге*. М., 1985.

²⁶ *Разрушение Дома Да Дерга // Предания и мифы средневековой Ирландии*. М., 1991.

²⁷ *Смерть Кухулина // Похищение...*

В отношении аравийских доисламских верований данных значительно меньше, и большинство из них собрано в сочинении аш-Шахрастани «Книга о религиях и сектах»²⁹. Кроме того, большое количество сведений о властных институтах Аравии можно извлечь из труда ан-Наубахти «Шиитские секты»³⁰.

Методология исследования. Методологические основания работы определяются спецификой избранной темы и традициями томской историографической школы, предполагающими рассмотрение различных форм исторического сознания в широком культурном контексте. Наряду с этим нельзя забывать и об основополагающем принципе историзма, на базе которого в данной работе применяется историко-генетический и сравнительно-исторический методы. Компаративистика занимает большое место в ходе исследования, что определяется его задачей и поставленными целями. На базе сравнения и совмещения различных методологических подходов выявляются спорные моменты и общие места в современном состоянии изучения проблемы власти в предгосударственных обществах.

Практическая значимость работы заключается в том, что обобщенный и систематизированный в ней материал, выводы, сделанные автором, могут быть использованы при осуществлении исторических и историографических исследований, касающихся проблемы власти в предгосударственных обществах. Кроме того, существует возможность использования материала предлагаемой диссертации при подготовке учебных курсов по историографии и методологии истории.

Структура диссертации определяется перечисленными выше целями и задачами. Исследование состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованных источников и литературы.

Первая глава посвящена обзору историографической традиции исследования проблемы власти в предгосударственных обществах. Задачей

²⁸ Борома // Предания и мифы...

²⁹ аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах. М., 1984.

³⁰ ан-Наубахти. Шиитские секты. М., 1973.

этой главы является рассмотрение эволюции методологии исследования этой проблемы в советской и зарубежной историографии и вычленение отдельных методологических подходов к ней. Целью главы является систематизация разнопланового методологического инструментария, имеющегося в настоящее время, с целью изучения проблемы власти в раннее средневековье.

Во второй главе идет речь об изучении проблемы власти в предгосударственных обществах на примере конкретных исторических регионов. Выше было отмечено, что это Ирландия и Аравия. Основной задачей главы представляется создание картины современных методологических взглядов на институты власти в этих регионах и обнаружение общих и специфических черт в этой картине. Таким образом достигается цель исторического и методологического обобщения применения на реальном историческом материале концепций и наработок, посвященных проблеме власти в раннее средневековье.

В заключении кратко суммируются основные положения и итоги глав и работы в целом, обозначаются лакуны и спорные моменты в исследовании проблемы власти, обозначаются возможные перспективы дальнейшего исследования.

Основное содержание диссертации

Во **введении** обосновывается актуальность темы, раскрывается степень ее научной разработки, ставится цель, формулируются задачи исследования, определяются хронологические рамки, предмет работы, характеризуется источниковая база и методологическая основа, обосновываются научная новизна и практическая ценность диссертации.

Первая глава состоит из четырех параграфов. **Первый** из них посвящен рассмотрению проблемы власти в предгосударственных обществах

в работах зарубежных исследователей второй половины XIX – начала XX века.

Историю изучения структуры и организации власти в раннее средневековье следует начинать с концепции военной демократии и тезиса о первобытном народовластии. С внедрением этого тезиса в историческую науку тесно связано имя Л.Г. Моргана. Однако он, исследуя в первую очередь общественные и властные институты североамериканских индейцев, признаков подобного народовластия находит не столь много, чтобы полностью подтвердить свою концепцию. Другой объект исследований Л.Г. Моргана, призванный по аналогии помочь в понимании ирокезского политогенеза, это гомеровская Греция. Именно в ней он обнаруживает значительность роли народного собрания – агоры. Учитывая одновременное присутствие во власти царя-басилевса и совета старейшин, функции которых, по мысли Л.Г. Моргана, значительно ограничены, формируется концепция первобытной демократии.

Окончательно завершил этот процесс Ф. Энгельс, постулировав выборность всех властных органов и, самое основное, их неотчужденность от собственно народа. В то же время существование совета старейшин и военного вождя определяло социально-экономическое расслоение в среде племени, социальное противостояние между ними и народным собранием. В отношении власти эти тезисы стали определяющими для всего понимания политической организации раннего средневековья в советской науке. Следует отметить, что подобное толкование источников характерно для всего социально-экономического подхода к анализу общественных структур в первой половине XX века.

К 60-м годам XX века даже в советской историографии, во многом основанной именно на тезисах Л.Г. Моргана и Ф. Энгельса, исподволь начинается критика этих тезисов, постепенно осознается необходимость разработки новой концепции власти в раннесредневековых обществах на смену очевидно устаревшей теории военной демократии.

В западной историографии в XIX веке оформляется альтернатива социально-экономическому детерминизму, и на протяжении XX века она только укреплялась и развивалась. Так, Дж. Фрэйзер постулировал огромное значение традиции для архаических обществ. Это значение проявлялось, в частности, в сакрализации власти. Он же высказал мысль о том, что образ мышления людей традиционного общества отличался от современного образа мышления, и таким образом возможность его понимания современным исследователем оказалась под вопросом.

Л. Леви-Брюль развил этот тезис, полагая, что мышление первобытного человека отличается структурно, будучи в значительно большей степени ориентировано на магическую, сверхъестественную составляющую мировосприятия, что, впрочем, не мешает ему сохранять и рациональную, логическую составляющую.

М. Блок применил эти наработки в отношении властных институтов варварских королевств, как наиболее архаических политических образований средневековой Европы. Именно благодаря этому он расценивает средневековое отношение к королевской власти как в значительной степени сакрализованное, а власть короля рассматривает как некую божественную эманацию, присущую более роду, нежели личности. М. Вебер создал свою концепцию харизмы и типологию власти в целом, совершенно отличную от понимания власти Ф. Энгельсом.

Таким образом, формировался иной подход к изучению проблемы власти, отличающийся от социально-экономического редукционизма, лежащего в основе выводов Ф. Энгельса. Условно обозначим его, как культурно-антропологический. Его характеризует обращение к бессознательным общественным установкам, находящим отражение в политическом ритуале и традициях. Сквозь их призму рассматривается институт правления и фигура правителя в частности. С этим же связан и больший акцент на правителе и его значении, нежели в концепции Ф. Энгельса.

Во **втором параграфе** анализируются взгляды на проблему власти в предгосударственных обществах советских медиевистов первой половины XX века. В советской историографии первой половины XX века преобладал социально-экономический детерминизм, что, помимо политической ситуации, подкреплялось и собственно русской традицией медиевистики, в конце XIX века склонявшейся к этому подходу. В конечном счете, все сводилось к обоснованию социально-экономической дифференциации в условиях варварского общества.

Д.М. Петрушевский рассматривал природу власти в варварской Европе с позиций как социально-экономического детерминизма, так и методологической традиции акцентирования роли права в становлении властных институтов, имевшейся в русской историографии. Поэтому властные отношения расценивались им как частноправовые. При этом первоначально он не отказывался от тезиса о народовластии. Исходя из этого, исследователь говорит о трансгрессии власти германцев от народного собрания в племенной период к фактически абсолютной власти короля в период варварских королевств. Однако он подчеркивает отсутствие необходимости королевской власти в случае, по крайней мере, англосаксонских королевств.

Позже Д.М. Петрушевский задается вопросом, действительно ли естественны народовластие и военная демократия для варварских племен, и приходит к выводу, что ее формирование является итогом специфической политики родовой или военной аристократии в период Великого переселения, в то время, как в ординарной обстановке существовало социальное и имущественное расслоение, называемое Д.М. Петрушевским первобытным капитализмом. Развитие его взглядов привело Д.М. Петрушевского к мнению о капиталистических чертах в развитии варварского общества, поэтому народовластие военной демократии видится им в этом свете искусственным.

А.И. Неусыхин, основываясь в своих изысканиях на воззрениях Д.М. Петрушевского, значительно их дополняет. А.И. Неусыхин постулирует существование двух систем власти у варваров – для мирного и для военного времени. Первая отличается доминированием народного собрания, вторая – военной аристократии. В случае последней А.И. Неусыхин рассматривает ее как слой возвысившихся благодаря военным удачам и авторитету рядовых общинников.

Критика этой концепции А.И. Неусыхина была предпринята А.Д. Удальцовым. Последний предполагает, что родовая аристократия изначально являлась определяющим общественным слоем в варварских племенах, а сами племена представляли собой слабо структурированные объединения общин, управляемые советом старейшин. Соответственно, народное собрание в этой концепции вообще исчезает как самостоятельный политический институт, а власть короля приобретает экстраординарный характер.

А.И. Неусыхин в ответ предполагает, что родовая аристократия существовала, однако достаточно быстро ассимилировалась с военной, а с образованием варварских королевств этот слой преобразовался в служилую знать. Соответственно, и варварские королевства отличаются подобной спецификой – объединение варварского народовластия, неотчужденности власти от племени, и монархической организации властной системы. А.И. Неусыхин в ходе исследований варварских королевств встречается с невозможностью их определения в рамках социально-экономического детерминизма. В результате он предлагает ввести для этой формы общества отдельную формацию, видя в этом возможный компромисс. Этим он намечает необходимость реформирования методологических взглядов модели социально-экономического редукционизма на проблему власти.

Исследование А.Р. Корсунского посвящено вопросу, насколько можно считать раннефеодальное варварское королевство государством. А.Р. Корсунский в своей работе впервые среди советских исследователей отчетливо обозначает неравномерность развития различных регионов

Западной Европы и соответствующую специфику их развития. А.Р. Корсунский исходит из того, что военная демократия сохранялась в варварском обществе вплоть до начала завоевания империи, таким образом отрицая возможность формирования классов до этого периода. Завоевание в концепции А.Р. Корсунского предполагает некий рубеж, определивший распад этого типологически единого общества на отдельные социально-политические феномены. По сути, этим он обращает внимание исследователей на то, что история является не монолитным концептуальным потоком, но в каждом отдельном случае несет конкретную специфику, на то, что концепция должна наполняться фактическим содержанием. Особенности процесса образования варварских королевств не могут быть сведены в типологически однородную картину – вот что доказывает своей работой А.Р. Корсунский. Эта концепция является методологической альтернативой концепции дофеодалного периода А.И. Неусыхина.

Третий параграф посвящен работам зарубежных ученых второй половины XX века. Поскольку эти работы повлияли на тот перелом, который произошел в советской историографии в 1960-е годы, то такое построение главы структурно оправдано. Дальнейшее развитие культурной антропологии во многом было заслугой структуралистской этнографии в лице К. Леви-Стросса. К. Леви-Стросс считает, что сущностно первобытное сознание не отличается от современного, отличается лишь способ восприятия, и поэтому его исследование современными учеными вполне реально. Определяющей характеристикой такого типа сознания К. Леви-Стросс полагает восприятие мира как строго фиксированной системы взаимосвязей вещей, явлений и действий. Ритуал должен поддерживать этот миропорядок. Он сконцентрирован на символической фигуре правителя. Отсюда значение этого института в жизни общества.

У. Чэни продолжает разработку проблемы, затронутой М. Блоком – сакральности королевской персоны. Основной его тезис заключается в преемственности культа королей-святых от языческих времен, когда король,

по его мнению, являлся неким талисманом племени, воплощением его удачи. Удача короля представлена в концепции У. Чэни через термин «харизма», как некая божественная сущность, накапливаемая в поколениях королевского рода. В материальном плане харизма выражается в богатстве этого рода. Она же, по всей видимости, дает право королю быть одновременно и верховным жрецом. И даже если существовала выборность короля, то харизма ограничивала этот выбор именно королевским родом. Таким образом, У. Чэни дополняет и конкретизирует выводы М. Блока, находя в языческой традиции новые примеры значительности роли короля в варварской культуре.

Дж. Нельсон также исследует королевский ритуал. Однако, основываясь на тезисах М. Блока и У. Чэни, она в некоторых отношениях с ними не соглашается. В частности, она противопоставляет народную и клерикальную формы сакрализации королевской персоны, как принципиально отличные по целям и задачам. И если вера в целительную силу королей и в королей-святых в целом, по ее мнению, идет от простого народа, то ритуал инаугурации и представление о связи короля с христианским богом – от церкви, пытавшейся подчинить его своему контролю. Дж. Нельсон подчеркивает утилитарную позицию церкви в отношении ритуала и выгоды от него самого короля как правителя унитарного государства. Она подчеркивает и социально-экономическую природу корпоративности церкви и аристократии в преследовании своих интересов. Можно заметить в позиции Дж. Нельсон элементы социально-экономического редукционизма, хотя она и занимается исследованием ритуала. Таким образом, Дж. Нельсон пытается совместить две методологические традиции.

В четвертом параграфе рассматривается методологическая ситуация в советской науке второй половины XX века.

В это время А.Я. Гуревич продолжает А.И. Неусыхина, рассматривая варварское королевство не как переходное образование, но как

самостоятельную историческую форму с определенными характерными признаками. Он и другие современные ему ученые высказывают мысль о неэкономической детерминации общественных отношений в докапиталистическую эпоху. На этой основе А.Я. Гуревич в значительной степени изменил концепцию раннесредневекового общества, введя в нее культурно-антропологическое измерение. В его работах эта концепция получила обобщающее название «традиционное общество». Постулируется всеобъемлемость традиции, а следовательно - ее сакральность. Соответственно, и власть в варварском королевстве определяется традицией и происхождением. Король же, будучи традиционным воплощением и гарантом единства племени, в подобных условиях получает значительную власть именно на основе племенного права и менталитета. Таким образом, происходит методологическая переоценка основ власти в раннесредневековой Европе.

Взгляды А.Я. Гуревича и зарубежные этнографические работы побудили к пересмотру принятых воззрений и востоковедов. Л.С. Васильев вводит в советскую историческую науку концепцию чифдома или вождества, включающую в себя тезисы, высказанные А.Я. Гуревичем. На первом этапе формирования этой концепции Л.С. Васильев наиболее пристальное внимание уделяет фигуре вождя и процессу складывания его власти. Полагая, что вождь играл более значимую социальную и политическую роль, нежели народное собрание, Л.С. Васильев вплотную изучает проблему его сакрализации. В этом же ракурсе Л.С. Васильев рассматривает и экономические отношения, связанные с властью. Собственно говоря, он практически отождествляет эти понятия, вводя термин «власть-собственность». Дальнейшее развитие и трансформация вождества, по мнению Л.С. Васильева, ведет к формированию раннего государства. Вождество предполагается как переходный этап в развитии политических институтов от племени к государству, и в целом предшествует варварскому королевству. Помимо целей систематизации и типологизации политических

структур, эта концепция включает в себя тезисы об особенностях восприятия власти традиционным обществом, характерные для культурно-антропологического подхода.

Примерно такой же взгляд демонстрирует Л.Е. Куббель. Он развивает и детализирует концепцию вождества и сакральности вождя. Исходным основанием для всех специфических особенностей власти в ранний период истории он считает ее имманентную асимметричность, ситуацию доминирования одной социальной группы. Именно из-за этого, полагает Л.Е. Куббель, происходит сакрализация власти и выработка определенных правил и рамок поведения для власть предержащих. Власть как таковая полностью отождествляется им с авторитетом, а общество, в свою очередь, ассоциирует себя с властью. Основным инструментом ее осуществления является ритуал. Наиболее четко, по мнению Л.Е. Куббеля, это проявляется в фигуре правителя вождества, зачастую сакрализованной до обожествления. Л.Е. Куббель проводит типологическое различие между сакральностью вождества и сакральностью раннего государства, в котором социально-экономические интересы играют ведущую роль. Одновременно, как отмечает Л.Е. Куббель, происходит и перестройка общественного сознания, переход от племенного к политическому. В этой связи он развивает типологию политогенеза, выделяя три разновидности: военную, аристократическую и плутократическую; при этом военная демократия выступает подвидом первой. Первую Л.Е. Куббель считает наиболее распространенной – через резкое возрастание роли военной организации, формирование военно-демократических и военно-иерархических структур управления и постепенное превращение военного вождя в единоличного правителя. Второй вариант, аристократический – родо-племенная верхушка сосредотачивает в своих руках всю полноту власти над всеми сторонами жизни общества. Третий – через объединение групп сторонников и клиентов вокруг отдельных лиц, выделяющихся богатством и авторитетом. Представляется, что в этом исследовании Л.Е. Куббель совмещает позиции двух подходов.

К.В. Васильев, а за ним и А.С. Мартынов, обращают внимание на китайский термин дэ, применяемый к фигуре правителя. На базе понятия дэ расшифровывается та сакральность, которую в отношении вождя постулировал Л.С. Васильев. А.С. Мартынов показывает тесную связь китайского императора и Неба, как обобщенного образа сверхъестественных сил. Также А.С. Мартынов указывает на то немаловажное обстоятельство, что дэ является достоянием не только отдельного императора, но и всего императорского рода в целом, и передается по наследству по праву крови. Дэ накапливается в результате успешных, соответствующих образу императора, действий, и растрачивается в случае их отсутствия. Собственно, можно заключить, что дэ и является субстанционализированной властью как таковой. Таким образом, работа А.С. Мартынова является примером чистого культурно-антропологического исследования в советской науке.

П.Б. Голден рассматривает проблему сакральности правителя на материале Хазарского каганата, имевшего двоих правителей: светского и сакрального. Он приходит к выводу, что сакральность сама по себе налагала на правителя столько ограничений, что его реальные властные полномочия оказывались невыполнимыми, входя в противоречие с требованиями традиции. Поэтому оказывался необходим второй правитель, осуществлявший собственно управление обществом и руководство военными действиями. Таким образом, обосновывается двоевластие, имевшее место во многих предгосударственных обществах.

Продолжаются и исследования предгосударственных структур, в частности, развивается концепция вождества. Н.Н. Крадин не соглашается с универсальностью схемы процесса политогенеза племя-вождество-государство, полагая, что возможно существование и других предгосударственных форм кроме вождества. Н.Н. Крадин предлагает и типологизацию путей генерации вождеств, весьма схожую с классификацией Л.Е. Куббеля: теократический и военный пути. Первый назван им изначальным, первичным. Также он обращает особое внимание на

особенности кочевых вожеств, называя их суперсложными, т. е., вождествами третьего уровня, по сути своей являющимися военными и ориентированными исключительно на личность правителя и, в меньшей степени, его род. Таким образом, концепция вождества дополняется и материалом кочевых обществ.

Вопрос о критериях государства и, соответственно, времени его формирования также оставался актуальным в свете изменения исторической парадигмы советских ученых. Е.М. Штаерман предполагает отнести окончательное становление государства в Европе ко времени возникновения Римской империи на том основании, что только тогда происходит складывание самостоятельного бюрократического сословия. В.А. Яковсон предложил иной подход. Он говорит о том, чтобы считать государством общество, чье самосознание поднялось на уровень высшего порядка, т.е., очевидно, на политический. Идея, которая уже была высказана Л.Е. Куббелем. Этот критерий представляется более глубоким, но и более относительным. В сущности, он предполагает изменение всего подхода к процессу политогенеза. А.Я. Гуревич же присоединился к точке зрения Е.М. Штаерман. Среди западных ученых Р. Коэн проводит грань между вождеством и государством по признаку стабильности: государство отличается тем, что в динамике не склонно к распаду. Очевидно, что, несмотря на предложенные варианты иных подходов к проблеме государства, эта часть методологических установок социально-экономического редукционизма в отечественной науке осталась практически неизменной, лишившись только понятия классов.

В каком-то смысле итоговой для развития отечественной методологии проблемы власти в предгосударственных обществах в 90-х годах является работа Т.Д. Скрынниковой. В этом исследовании отражены все методологические установки, сформировавшиеся к этому времени. Сама работа является примером их использования на конкретном историческом материале, в данном случае – монгольском обществе периода Чингис-хана.

Определяя степень государственности монгольского общества в этот период, она основывается на тезисах Л.Е. Куббеля и Н.Н. Крадина. Говоря о харизме, Т.Д. Скрынникова следует положениям, высказанным А.Я. Гуревичем и А.С. Мартыновым. Харизма Чингисидов сравнивается ею с китайским дэ и римским гением императора. Исследовательница отмечает и разделение власти между двумя правителями, ссылаясь при этом на П.Б. Голдена. Однако сосуществование двух правителей с разными функциями находит у нее иное объяснение, исходящее из концепции харизмы. Харизма для Т.Д. Скрынниковой имеет двойственную природу. Харизма Чингис-хана, верховной власти экстраординарна, соответствует харизматическому типу власти М. Вебера. Харизма главы конического клана, рода традиционна, основана на генеалогическом принципе. По этому принципу создается взаимодополняющее двоевластие. Поэтому политогенез монголов, по Т.Д. Скрынниковой, проходит как смешение военного и аристократического типов в классификации политогенеза Л.Е. Куббеля. Т.Д. Скрынникова отождествляет эти типы с соответственно харизматическим и традиционным типами власти М. Вебера. Таким образом, в исследовании Т.Д. Скрынниковой находят применение и развитие методологические тезисы различных авторов, посвященные проблеме власти в предгосударственный период. Она соединяет в своей работе две историографические тенденции – исследования социально-политических структур и сакрального ритуала, связанного с правителем.

Методологические подходы, рассмотренные выше, находят свое отражение в компаративистском анализе историографических традиций исследования предгосударственных политических образований Ирландии и Аравии, которому посвящена **вторая глава**. Этот анализ предпринят с целью показать применение методологических подходов на конкретном историческом материале типологически чистого общества-изолята, т.е. самостоятельно развивающегося предгосударственного общества, испытывающего минимальное влияние соседних цивилизаций. Поскольку

историографическая традиция признает возможным универсализм отдельных политических структур и установок, использование компаративистского метода обоснованно. Сравнивая элементы политической культуры традиционных обществ Ирландии и Аравии, следует отметить многие общие черты, достаточные для применения некоторых выводов исследователей к обоим регионам, а не к каждому в отдельности.

Несомненно, власть в них была серьезно ритуализирована, выступая в качестве традиции, а не рационального института. В силу этого правитель нес определенную сакральную нагрузку. Ее степень варьируется, однако следует отметить, что сакральная функция правителя представляется первичной по сравнению с военной. Последняя же является экстраординарным институтом. По всей видимости, при этом лицо, занимавшее престол, оставалось неизменным. Со временем обстоятельства исторического развития делают военные функции доминирующими в образе правителя.

Сравнение этих двух регионов позволяет поставить вопрос о степени сакрализации правителя. В Аравии имело место распределение властных полномочий, в том числе и сакральных, между различными должностями, типологически сходное с месопотамскими государствами. В то же время в Ирландии они сосредотачивались в фигуре короля.

Кроме того, не вызывает сомнения иерархичность, как вертикальная, так и горизонтальная, социально-политической структуры этих обществ. Пирамидальная система соподчиненных элементов, связанных в основном через правителей, которая классифицируется как сложное вождество, фиксируется и в Ирландии в институте верховного королевства, и в Химьяре в институте шабов разного уровня. Проблема сосуществования и объединения клановых общин в единое целое при сохранении их относительного равноправия находила свое разрешение в распределении властных функций между их представителями. Эта особенность налагала отпечаток на организацию власти в этих обществах. Правитель в такой

системе являлся фигурой компромиссной. Соответственно, вероятно либо соправление, либо ротация представителей лидирующих общин. В соответствии с определенным циклом представители правящих родов ведущих племен становились во главе вождества в целом. Также возможно существование фиктивного, ритуального «царского» клана, стоящего над общей иерархией, хотя в Ирландии основной опорой короля, по общему мнению исследователей, оставался его собственный клан.

Большое значение имеет связь правителя со своим кланом, чрезвычайно крепкая, видимо, вплоть до отождествления. Несмотря на это, его реальные властные функции ограничивались внешними отношениями. Таким образом, существовавшая структура кланов, составлявших королевство, фактически основывалась на личных отношениях правителей, совокупности традиционных договоров, дарений, поощрений и вражды. Отождествление короля с племенем выражалось в соответствующих ритуалах и основывалось на центральном положении фигуры правителя в существующем сакральном миропорядке. Поэтому существенную роль играли сакральные функции правителя. По всей видимости, они являлись частью повседневных обязанностей правителя, регулярных и периодичных. В этом проявляется взаимозависимость правителя и его племени. В частности, проявлением такой зависимости является обряд брака правителя с землей и его божественной легитимизации. Очевидно, что правитель выступает в качестве медиатора между демоническими и небесными силами и миром профанным, замыкая их, таким образом, в единую осознаваемую упорядоченность.

В Ирландии взаимосвязь светского и сакрального прослеживается во взаимодействии правителя и страны, отражаясь в обрядах инаугурации. Как правило, они выражалась в ритуальном бракосочетании правителя со страной. Живучесть этого понимания власти правителя доказывает его адекватность ментальным установкам народа. Если принимать постулат о высокой степени сакрализации правителя, большую роль должны были

играть высшие силы, дающие мандат на правление. Однако исследователи отмечают и возможность силового решения проблемы наследования, что не имело никакого отношения к сакральности. Безусловно, в результате правитель приобретал более светские черты. Политическая организация Ирландии смещалась в сторону военного территориального королевства, что отражается в постепенном упадке языческого ритуала и замене его обрядом помазания.

Высшую степень сакральности правителя подчеркивает обязательность получения сверхъестественного мандата на правление через соответствующий обряд. Очевидно, что сакральность власти распространялась не столько на личность, сколько на род. Тем не менее, существовала вероятность силового решения вопроса о наследовании внутри такого рода или родов. С другой стороны, возможна и ритуальная периодическая ротация правления внутри этих родов с семилетним сроком отдельного правления. При участии в правлении трех-четырёх легитимных кланов, один цикл такой ротации составляет период жизни одного поколения, что не дает возможности повторного правления для человека, уже бывшего королем. В целом, такой цикл представляется отражением представления о цикличности мироздания в его возрождении-умирании. Таким образом, сакральность распространяется не только на собственно правителя, но и на всю властную структуру, освящая принятую систему компромисса объединившихся в вождество племен. Правитель вынужден доказывать свою состоятельность перед божественными силами и собственными соплеменниками весь период своего правления.

Соответствие правителя божественному мандату постоянно подвергается проверке, проявляясь, в частности, в наборе требуемых от него качеств. В Ирландии он получил название правды короля, в Аравии наиболее отчетливо он проявился в требованиях, предъявляемых различными исламскими сектами к имаму. Впрочем, исследователи доказывают, что в реальности этот кодекс отнюдь не являлся абсолютным, существовали и

исключения, диктовавшиеся самим образом жизни племен. Однако соблюдение этого кодекса, очевидно, было не столь строгим, будучи зависимым от конкретной исторической ситуации. Такая картина политических институтов, не будучи в полной мере соответствием ни вождеству, ни государству, является переходной моделью, описываемой как сложное вождество или как варварское королевство, в зависимости от того, говорим мы о раннем или позднем периоде ее существования. Такое состояние потенциально открывает различные пути развития, являясь точкой бифуркации для общества. Их выбор зависит от конкретной исторической ситуации. Ирландия проходит путь аристократического политогенеза от вождества с элементами военной демократии к сложному вождеству и феодальному государству. Саба – от аристократического вождества к номовому государству, затем к военному варварскому королевству. В итоге сабейская политическая традиция находит отражение в фигуре пророка Мухаммеда и учениях исламских сект о халифе. В Ирландии борьба кланов за верховное королевство вкупе с угрозой со стороны викингов и христианизацией страны вели к формированию из сложного вождества раннефеодального государства. При этом проявлялись все типы политогенеза по Л.Е. Куббелю – аристократический, военный и плутократический, с преобладанием последних двух. Этому способствовала и традиционная сакральная харизма, которой обладали ирландские короли. Исследователи Ирландии в целом соглашаются в том, что в итоге развития местных политических структур рождался типичное феодальное государство по образцу континентальных. При этом они сосредотачиваются на общих чертах с континентом. Под влиянием нашествия викингов Ирландия консолидируется лидирующими родами Коннахта и Мюнстера, но варварские институты сохраняют свое значение. В то же время в Южной Аравии внутренние междоусобицы кланов и внешние вторжения привели к упадку и завоеванию варварское королевство (по А.В. Коротаеву) Химьяра. Очевидно, это произошло из-за деградации традиционного сакрального

харизматического правления и отсутствия соответствующей экстраординарной военной харизмы. С их возрождением в лице Мухаммеда связано и возрождение арабского политического объединения, в ходе формирования которого нашли отражение самые различные типы политогенеза и образа правителя.

В заключении подводятся основные итоги проведенного диссертационного исследования.

Выявлены два основных методологических направления в исследовании проблемы власти в предгосударственных обществах, доминировавшие на протяжении двадцатого века. Условно они названы социально-экономическим редукционизмом и культурно-антропологическим подходом. Во второй половине века эти методологические направления проявляют тенденцию к взаимодействию и взаимопроникновению. Кроме того, в отечественной науке второй половины века фиксируются генетически связанные с вышеуказанными направления исследования проблемы власти в предгосударственных обществах. Это, во-первых, исследования социально-политических структур с целью их универсализации и типологизации и, во-вторых, дискурс по поводу значения фигуры правителя в этих обществах. Систематизирован методологический инструментарий, в результате чего доказана универсальность и историческая адекватность концепций вождества (и военной демократии, как одной из частных разновидностей его трансформации) и варварского королевства. Доказана и значимость сакральной функции правителя предгосударственного общества и ее изначальность по сравнению с военной. Эти функции могли сосредотачиваться в одном правителе, но могли и распределяться между несколькими. Несомненным является постепенный переход доминирования в образе правителя именно к военной функции, что, в конечном счете, приводит к формированию государства.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на заседаниях кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории

Томского государственного университета. Некоторые положения и результаты исследования были представлены на конференции «Методологический синтез и социальные теории» (Томск, 2003). Содержание исследования отражено в трех публикациях автора.

По данной теме опубликованы следующие работы:

1. Коньков Д.С. Проблема власти в отечественной историографической традиции первой половины XX века. / ТГУ. – Томск, 2001. – 26 с. – Библиогр.: 21 назв. – Рукопись деп. в ИНИОН РАН № 56919 от 29.12.01.

2. Коньков Д.С. Политогенез стран бассейна Красного моря в работах отечественных ученых второй половины XX века. // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. Вып. 27. Стр. 114-136.